

28 дек. 1934г.
ДПЗ.

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП/б/.

В ДПЗ от следователя узнал я, кем совершено было убийство С.М.КИРОВА. Ужас и оцепенение охватили меня. Ужасом и оцепенением скован я до этой минуты. И чем больше подробностей узнаю я из обвинительного акта о том, как и в каких обстоятельствах подготовлялось и совершилось это злодейское преступление, тем больший ужас охватывает меня.

Антипартийная группа, связанная с моим именем, как всем известно, и в самые худшие свои времена и в мыслях не допускала террора. И тем не менее партия права, когда говорит, что политическая ответственность за совершившееся преступление лежит на бывшей "зиновьевской" группе, в частности на мне. Я проклиная, ненавижу и презираю фашистских убийц, поднявших руку на великого пролетарского бойца, как проклиная, ненавидит и презирает их весь рабочий класс. И вместе с тем вижу, что морально-политическая ответственность за совершившееся преступление лежит на нас, в частности на мне. Громадное большинство состоявших, согласно обвинительному акту, в "ленинградском центре" вышли из группы "левых" /или "безвозвращенцев"/, порвавших с "зиновьевской" группой перед XV съездом - что наложило свой отпечаток на все дальнейшие взаимоотношения с ними. В течение годов я не видел этих людей, ничего не слышал о них и никогда не мог подозревать, что они вырождаются в группу фашистских убийц. И тем не менее морально-политическая ответственность за случившееся лежит на нас, в частности на мне.

В обвинительном акте я читаю, что убийцы были связаны с одним из консулов, давали ему сведения, брали у него деньги, говорили с ним о связи с Троцким, готовились бежать за границу и там служить интервентам. Некоторыми из них вероятно прямо руководила рука

опытного агента русской или заграничной белогвардейщины. Возможно, что часть из них продавалась за деньги. Но факт, что негодяи, дошедшие до этого, когда-то были связаны с "ленинградской оппозицией" и со мной лично. Факт, что они и сейчас ссылаются на платформу зиновьевско-троцкистского блока. Из этого вытекает, что политическая ответственность за случившееся ложится на бывшую "зиновьевскую" антипартийную группу и стало быть прежде всего на меня.

Вчера я должен был в тюрьме подписать документ о том, что я читал постановление об исключении меня из партии "как контр-революционера". Это было самое тяжелое, что я помню в своей жизни. После этого я чувствую себя как бы уже умершим. Я знаю, что мое положение не таково, чтобы то или другое мое заявление или письмо могли что либо изменить в моей судьбе. Хитрить мне бесполезно и запыраться - тоже.

Моя вина безмерна. Она заключается в том, что, не поняв полностью антипартийности моей обанкротившейся "платформы", я уже после того как партия разбила ее - путался в ногах, заигрывал с другими антипартийными группками, не сумел круто оборвать все прошлое, не сумел сказать своим близким ясно без оговорок по честному, что мы оказались банкротами, не сумел до конца и по настоящему внутренне - признать правоту и величие СТАЛИНА, не сумел сделать из всего этого все выводы, не сумел куда-нибудь на несколько лет уехать на деловую работу, словом: не сумел сделать честно и до конца выводы из своего политического банкротства. ЦК давал мне возможность остаться в рядах большевиков. Сердце обливается кровью по поводу того, что я не сумел воспользоваться этой возможностью.

Мое положение сейчас ужасно в полном смысле слова. Все время я думаю: хотя бы теперь в самую последнюю минуту - сделай то, что ты должен сделать до конца!

Что именно должен я в этой трагической для меня обстановке сделать?

1. Рассказать все, что я знаю.

2. Принять на себя всю вытекающую из обстановки ответственность за случившееся.

3. Заранее признать, что все, что Партия скажет обо мне теперь и сделает теперь со мной - что все это будет правильно.

Умоляю Вас поверить мне в следующем:

1. Я не знал, абсолютно, ничего не знал и не слышал и не мог слышать о существовании за последние годы какой-либо антипартийной организации или группы в Ленинграде. Никаких связей с Ленинградом уже целый ряд лет не имел, не искал и не мог искать.

2. На следствии я показываю и буду показывать все, что я знаю и помню, ничего не утаивая, не щадя ни себя ни других.

3. Ряд высказываний /в разные времена/, которые в ходе следствия приписывают мне другие арестованные, являются либо ошибками памяти /особенно насчет дат/, либо попытками отыгаться на мне, как на главном политическом обвиняемом.

Я изложил в своих показаниях подробно то, что запомнил о длинном периоде антипартийной борьбы и антипартийных настроений. Наибольшие мои колебания последнего периода относились к 1932 году. К этому-же /и прежнему/ времени относятся попытки "контакта" и по существу сговора нескольких антипартийных групп.

Мы /в частности, я/ были искренне против политики правых и все-таки мы имели известный "контакт" с БУХАРИНЫМ, ТОМСКИМ, РЫКОВЫМ. Как это могло быть? Действовала логика положения: недовольные /хотя-бы и по разным мотивам/ ищут друг друга. Сначала, когда БУХАРИН, РЫКОВ и ТОМСКИЙ были еще членами П.Б., стимулом для нас было еще и желание быть в курсе дел, получать через них политическую информацию.

Относительно взаимных нащупываний "различных антипартийных группок" времен 1932г. должен сказать следующее. Политически это, конечно, были попытки сговора против линии ЦК. Это выглядело "невинно" в начале. Но если бы ЦК не предупреждал все время Партию о том, что тенденция к об"единению правых и "левых" заложена в самой сути вещей, если-бы ЦК все время не бил по тем и другим - тот или иной сговор антипартийно-настроенных групп в 1932 году так или иначе состоялся-бы. Правильная политика ЦК разбивала и разбила и в 1932 году этот антипартийный сговор в зародыше.

Следствие указывает мне, что мои ссылки на то, что, де, мне раньше никто из представителей Партии не предлагал назвать имена и рассказать практические подробности антипартийной борьбы - что эти ссылки вызывают мысль, будто я хочу попытаться переложить с себя ответственность на кого-то другого. Я понимаю, что это действительно может навести на такую мысль. В пояснение этого места своих показаний скажу следующее:

Переложить ответственность на кого-либо другого мне невозможно. Это я хорошо понимаю. Я указал на это обстоятельство только для того, чтобы следствие лучше поняло мою тогдашнюю психологию. Я считал тогда, что называть имена слишком "мелко" для меня, что от меня требуется только политическая солидаризация. И то обстоятельство, что от меня никто не требовал имен, расценивал так, что и другие смотрят так-же.

Конечно, если-бы я знал, что в Ленинграде продолжает существовать антипартийная организация, а тем более если-бы я знал, что-либо о существовании группы с террористическими настроениями - я обязан был-бы немедленно сообщить все что знаю. Но ничего подобного я не знал и знать не мог. Речь могла идти для Ленинграда лишь об очень старых вещах, которые я считал давно

умершими, а людей и их роль в антипартийной борьбе до 1929г. давно более или менее известными. Что-же касается до московских шушуканий с БУХАРИНЫМ, ТОМСКИМ, РЫКОВЫМ, ШАЦКИНЫМ, СУЭНОМ, ЛОМИ-НАДЗЕ, САФАРОВЫМ, то тут я действительно виноват, что в 1932г. /или хотя-бы позже/ не сказал о них открыто Партии. И тут именно действовала та психология, о которой я говорю выше. Я сознаю эту свою вину полностью.

В 1933-1934г.г. я был искренно преисполнен желания честно работать под руководством ЦК и т.СТАЛИНА. Я был совершенно согласен с внутренней и внешней политикой Партии. Пытаясь следить за работой Коминтерна, я был вполне согласен с проводимой им тактикой единого фронта. Практическое проведение ее во Франции вызывало у меня сомнения: неосторожные заявления об "едином народном фронте", об "органическом единстве" и т.п..

Но моей самой большой бедой было то, что, потерпев политическое банкротство в 1925-1927г.г. и потеряв политическое доверие у Партии, я все-таки упорно тянулся к вопросам большой политики, в частности, политики Коминтерна - вместо того, чтобы взяться за какую-либо практическую скромную работу на культурно-просветительном участке или в этом роде. Я пробовал обратиться к другой работе. Я занялся литературной критикой - стал работать над Щедриным, Пушкиным и т.п.. Но целиком уйти в нее не смог.

Мой урок должен послужить грозным предостережением для всех, кто находится в более или менее аналогичном положении. Честность с партией до конца, без недомолвок, без перешептываний или - уходи совсем, не путаясь в ногах! Не случайно то, что именно сейчас, когда страна окончательно вышла на дорогу великого роста, великого строительства - отщепенцы окончательно пришли к своему тупику, к бездне.

Если за прошлые годы честной работы могу просить ЦК еще о

чем либо, то прошу и умоляю : откройте мне хотя-бы маленькую надежду на прощение со стороны Партии, дайте хотя-бы маленькую возможность где бы то ни было работать. До последнего вздоха буду думать только об этом и надеяться на это.-

Г.ЗИНОВЬЕВ.

Вручено мною 30-го декабря 1934 года.-

Вручено

28 апр. 1934
Дн 3

10 / 7

В Центральный Комитет ВКП(б)

В Д.Н.З. от следователя узнал я, кем совершенно было убийство С. М. Кирова. Узнал и оценок отварили меня. Узнал и оценок окован я до этой минуты. И тем больше подробностей узнаю я из обвинительного акта о том, как и в каких обстоятельствах подготавливалось и совершилось это злодейское преступление, тем больше у нас отбрасывается

Антипартийная группа, связанная с нами, как всем известно, и в самые трудные свои времена и в моменты не допускала террора. И тем не менее партия права, когда говорит, что полицейская оккупация за совершившееся преступление лежит на бывшей, зловещей группе, в расхождении на лице. Я проклятого, некачественно и презираю франшизовых убийц подбивших руку на великого революционного бойца, как проклинаю некачественно и презираю их весь рабочий класс. И ^{вместе с тем, вместе, что} ~~вместе с тем, вместе, что~~ полицейская оккупация за совершившееся преступление лежит на нас, в расхождении на лице. Уничтожение большинства содержащих, согласно обвинительному акту, в „Ленин“

градская центр" вошли из группы "левых" (иногда
безотделенцев"), порвавших с "буновцевской" (иногда
группой) из XV серии - что наложило свой отпе-
чаток на все дальнейшие взаимоотношения с ни-
ми. В течение годов я не видел этих людей,
ничего не слышал о них и никогда не мог по-
дозревать, что они выростают в группу фа-
шистских убийц. И тем не менее мораль-но-
лическая эффективность и сдерживающее влия-
ние на нас, в частности на мне.

В обвинуемой автор в чужую, что убийцы
были связаны с одними из конспираторов, давали ему
сведения, брали у него деньги, говорили с ним
о связи с Троцким, говорились заграницу
и там совершали преступления. Некоторым
из них ввозить прямо руководила рука одного
из агентов русской или заграничной белогвардей-
щины. Возможно, что часть из них продолжала
за деньги. Но факт, что люди, дошедшие до
этого, когда-то были связаны с "Ленинградской
оппозицией" и со мной лично. Факт, что они
и сейчас соглашались на платформу экивокально-
урашневского блока. Из этого вытекает, что поли-
тическая эффективность и сдерживающее влияние на
Павлова, Лиховскую" агитация и группировку
и стало быть прежде всего на меня.

Вчера я должен был в утреке подписать доку-
мент о том, что я читаю постановление об исключении
меня из Нарнии "как контр-революционера". Это было
самое гадкое, что я делал в своей жизни. После этого
я известую себя как бы уже умершим. Я знаю, что
мое положение не гадкое, чтобы я или другие мое го-
ловление или письмо могли что-либо изменить в мо-
ей судьбе. Изменить это невозможно и записывать
- тоже.

Моя вина безмерна. Она заключается в том, что,
не поняв полностью антимарксистской сущности
моей "платформы", я уже после того как Нарние
разбита и - турки в ногах, сотрудничал с другими
антимарксистскими группками, не сумев круто оборвать
все прочее, не сумев сказать своим близким ясно
без оборотов по существу, что мы оказались банкрот-
ами, не сумел до конца и по настояющему внутрен-
не признать правоту и величие Сталина, не сумел
сделать из всего это все вывод, не сумел куда-нибудь
на несколько лет уехать на действительную работу, словами
не сумел сделать ясно и до конца вывод из сво-

его политического банкротства. У.Р. давал мне ^{возможность} 104
кооперироваться в рядах большевиков. Средне обильная
кровь по поводу того, что я не сумел восстановить
св. этой возможности.

Мое положение сейчас ясно в немном
числе слов. Все время я думаю: хотя бы риск
в самую последнюю минуту - сделай то, что ты дол-
жен сделать до конца!

Что именно должен я в этой трагической для
меня обстановке сделать?

1. Рассказать все что я знаю.

2. Принять на себя всю ответственность из
обстановки оверсфенности и субъективности

3. Заранее признать, что все что Мар-
тин скажет обо мне лишь и сделает лишь со-
мнений - что все это будет правдой.

Успокойте нас повернуть мне в судно ¹¹ (5) &

чем :

1. Я не знал, абсолютно ничего не знал и не
знал и не мог слышать о существовании и
последние годы работы - либо антиматериальной
организации или группы в Ленинград. Ни
одна связь с Ленинградом уже целый год
лет не имел, не искал и не мог искать.

2. На следствии с покарываю и буду покарываю все
что я знаю и помню, ничего не утаивая, не щадя
ни себя ни других.

3. Ряд высказываний (в разное время), которые
в ходе следствия принимавшую мое участие арестован-
ная, объявляла ^{мне} об обвинении павари (особенно на-
следств) либо попарками отпарыва на мне,
как на главном попарившем обвиняемом.

Я изложил в своих показаниях подробно то,
что запомнил о длинном периоде ангинар-
рийской борьбы и ангинарийных настроений. Наи-
большие мои воспоминания последнего периода от-
носятся к 1932 году. К Эрику - ^(и преткуну) где в разное
относился попарки "контракта" и по сущес-
ту своими несколькими ангинарийными группами.

Они (в частности я) были искренне против
исполнения правды и ве-дали мы имели из-
вестной "контракт" с Бухаринским, Томским,
Рыжовым. Как это могло быть? Действительно бо-
льшая половина: недовольные (хотя-бы и по раз-
ным мотивам) идут друг друга. Скажем, когда
Бухарин, Рыжов и Томский были еще члена-
ми П. Б., смирившись для нас было еще и желе-
ние быть в кругу их, иными же через них поби-
вательно информировать.

Отношения взаимных канувшихся "различных 7
анархических групп" весной 1932 г. доверия и
сказав следующее. По существу это именно были
попытки слова против имени Ж.К. Это было (13)
дело "новинки" в начале. Но если бы Ж.К. не преду-
предил все время Маршом. Уол, что именно
к отведенного правых и "левых" замечена в са-
мой сути вещей, если бы Ж.К. все время не был
по тем и другим - тогда или какой-то слово, а не
нарушить - неосторожная группа в 1932 году так
или иначе создалась - да. Правильная попытка
Ж.К. разбивала и разбивала эту анархическую
была слово в зародке.

Следующее указывает мне, что мои сомнения на то,
что бы мне раньше такого из предостережений Мар-
ша не предостерегал назвать имени и рассказывать прак-
тически подробности анархической борьбы - что
эти сомнения были бы напрасны, будто я хочу посто-
янно перелопачивать с собой оговоренное на кого-то
другого. Я понимаю, что это действительно мо-
жет навредить на такую мысль. Из почтенности это
во мне своих попыток скажу следующее.

Перелопачивать оговоренное на кого-либо
другого мне невозможно. Это я хорошо пони-
маю. Я укажу на это обстоятельство только
для того, чтобы следующие лучше поняли мою
тогдашнюю неготовность. Я считал тогда,

что называть имена клиентами, только "для меня, что бы
меня предупредил только потребность соблюдения 38
И то откровенно, что у меня никто не требовал 14
имен, расценивая так, что и другие смотрят так же.
Конечно, если бы я знал, что в Ленинграде
продолжал существовать антипартийная организа-
ция, а тем более если бы я знал, что либо о су-
ществовании группы с террористическими настрो-
ениями - я обязан был бы немедленно сообщить
все что знаю. Но ничего подобного я не знал и
знать не мог. Речь моя шла для Ленинграда
лишь об очень старых вещах, которые я считал
давно ушедшими, а тогда и их роль в антипар-
тийной борьбе до 1929г. давно более или менее
ушедшими. Что же касается в московских му-
жиков с Бухариным, Мамковым, Рокотовым,
Шацким, Сухом, Ленинград, Сафонов, то
тут и действовало Bureau, что в 1932г
(или хотя бы позже) не скрывало о них отнюдь
Нарком. И тут именно действовала та несо-
лота, о которой я говорил выше. И сейчас
эту свою вещь повторю.

В 1933-1934гг. я был неженно пленен. ²⁴15
мен желаний всего работать под руководством ЦК и
Г. Галика. Я был совершенно согласен с внутрен-
ней и внешней политикой Партии. Нормально
дизайн с работой Коммуны, я был вполне со-
гласен с проводимой или проводимой единого фронта.
Практическое проведение ее во Франции возмело
у меня сомнения: "невероятное явление об
едином народном фронте", об "экономическом
единстве" и т. п.

Но моей самой большой бедой было то, что
после побед коммунистов в 1925-1927гг.
"побед коммунистов" в Партии, я все-
гда упрямо застрял к вопросам большой полити-
ки, в частности политики Коммуны — вечно это
грозил бороться с карьеро-любимой практической
сформировать работу на кулуарно-президентском
уровне или с др. род. Я упрямился отразить
и с другой работой. Я занялся литературной
работой — стал работать над Шедрином,
Пушкиным и т. п. Но у меня были

и не не смол,

Мой урок должен послужить уроком ¹ ~~то~~ 16
продолжением для всех кр находився в более
или менее аналогичном положении. Тезисы
с парией до конца, без недоумовок, без
переменчиваний или-чтоли совсем, не тушат
в когах! Не случайся то, что именно сейчас,
когда страна окончателю встала на дорогу
близкого роста, близкого сотрудничества - осуществи
за окончательны приемы к свету густоту, к
бедне. Если за прошлые годы верной работы
моя просьба ЦК еще о чем либо, то
прошу и уважаю: отойти мне хотя-бы
маленькую надежду на улучшение со стороны
партии, дать хотя-бы маленькую
возможность же да ^{ни} было работать.
До последнего вздоха буду думать только об
этом и надеяться на это.

Г. Зиндов

Вручено лично
30 декабря 1934